

показался любопытным этот опыт истории, авторы которой «не прибавляют ни слова к латинским классикам, переводят их и ставят внизу текст». разъясняющий, к какому моменту французских событий следует отнести приведенный отрывок. В предисловии, обосновывая свою идею, авторы говорят о древних историках: «Многие места в их сочинениях суть верные зеркала, в которых мы себя видим. Сходство так велико, что оно изумляет и трогает до глубины сердца. Это истинное пророчество, коему надлежало бы привести нас в рассудок и предупредить многие бедствия, ибо здесь видим не легкие случайные подобию, но целые и великие картины, сходные между собою для того, что человеческая природа во все времена одинакова».⁴⁴ Обращение к историкам прошлого как «наставникам рода человеческого», казалось бы, возвращает к просветительскому пониманию истории. Но для Карамзина это был уже давно пройденный этап: к старой идее (история — урок современности) писатель подходит совершенно по-новому, на новом уровне: принимая ее в комплексе других сложившихся к этому времени эстетических и философских представлений, начиная постигать внутреннюю закономерность и предопределенность исторических событий.

Как и для Гердера, история сохраняет для Карамзина-писателя свой этический смысл, и одно из ярких свидетельств этому замечательное стихотворение «Тацит» (1797):

Тацит велик, но Рим, описанный Тацитом
Достоин ли пера его?
В сем Риме, некогда геройством знаменитом,
Кроме убийц и жертв не вижу ничего.
Жалеть об нем не должно:
Он стоил лютых бед несчастья своего.
Терпя, чего терпеть без подлости не можно.⁴⁵

И это стихотворение, и «Марфа Посадница» представляют собой примеры использования исторической темы для выражения гражданской позиции автора. В этом отношении Карамзин продолжает традиции русской литературы XVIII в. Мир прошлого постепенно приобретает в сознании писателя все большую конкретность и осязаемость: этот мир живет не по прихоти авторской фантазии, а по неким внутренним законам, обуславливающим развязку каждого конфликта. Самая временная дистанция, отделяющая прошлое от современности, выступает теперь как нечто подвижное: старина — это уже не однозначное понятие, как в «Наталье, боярской дочери», старина меняет свое лицо и предстает в постоянной динамике, развитии.

Старина уже не мыслится Карамзиным как нечто вненациональное: миф — это не произвольный вымысел, но тоже часть

⁴⁴ Вестник Европы, 1802, № 1, с. 20.

⁴⁵ Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений. М.: Л., 1966, с. 239. (Библиотека поэта. Большая серия).